

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

Анны Даниловой

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро

Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневого сада
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть

АННА ДАНИЛОВА

Алый шар луны



МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн серии *С. Прохоровой*

Художественное оформление *К. Гусарева*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 **Алый шар луны / Анна Данилова.** —
Москва : Эксмо, 2018. — 288 с — (Эффект мо-
тылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-098458-9

Их роман начинался так красиво! Случайно встретились возле цветочного магазина, где он купил ей огромный букет, и уже не расставались. Егор считал, что Надя Агренич сошла с одного из полотен Ренуара. Но потом страстно влюбился в ее красивую подругу и накануне свадьбы ушел к той. Надя чуть не помешалась, страдая от жесточайшей депрессии. Едва почувствовав себя лучше, она решила разом покончить с прежней жизнью и начать новую. Ограбив фирму, в которой работала кассиром, девушка села в поезд, следующий до Москвы, и бесследно исчезла... Писательница Полина Пухова, оказавшаяся причастной к судьбе Надежды, обнаружила, пожалуй, единственную зацепку, позволяющую отыскать ее: Агренич ехала в одном вагоне с беглыми каторжниками. Одного из них так и не нашли. Как не нашли и Надю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098458-9

© Данилова А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

1

Чтобы отправиться в далекое путешествие из Москвы в Сургут, нужна весомая причина. Предположим, там поджидает вас наследство в миллион долларов. Вот тогда можно спокойно заказывать билет и, пакуя чемодан, изводить себя мечтами о том, как бы потратить этот миллион, чтобы и удовольствие получить, и денежки сохранить, то есть чтобы не растратить все за одну неделю... Меня же никакого наследство там не поджидало. Больше того, эта поездка обещала одни сплошные расходы и полное отсутствие, как я предполагала, привычного комфорта. Посудите сами. Одно дело — сидеть в теплой квартире и печатать на компьютере очередную главу романа, попивая чай или кофе, а совсем другое — лететь куда-то в глушь, в Сибирь, в февральский холод, в неизвестность...

Однако билет я уже заказала, и его должны были принести мне с минуты на минуту. Так, во всяком случае, мне сказала девушка из курьерской службы. Я укладывала в чемодан очередной свитер и уже пятую пару толстых шерстяных носков, когда в дверь позвонили.

Если бы я не была так простужена в тот день, когда мне предложили в издательстве быстренько выбрать себе литературный псевдоним, то окружающие люди знали бы меня как, предположим, Розамунду Бестужеву-Рюмину или скромно — Фаню Нарышкину, а то и вовсе простенько — Улдузу Голенищеву-Кутузову, не говоря уже о Клотильде Дашковой-Кривопищевой; но, поскольку мне в то время было совершенно наплевать, какая фамилия будет указана на моих книгах — меня беспокоили только мое горло и насморк, — я настояла на своей истинной.

— Полина Пухова? Нет, это звучит ужасно! Как перина, как подушка с пухом! — замахал руками редактор.

Я сказала ему — мне требуется время, чтобы придумать что-нибудь оригинальное, чтобы это красиво звучало и легко запоминалось, но так ничего и не придумала — сроки поджимали, книга уже должна была вот-вот выйти, и, к моей огромной радости, «Полину Пухову» оставили, и я обошлась без псевдонима.

— Вы Полина Пухова? — спросила закутанная в розовый шарф девушка-курьер. — Собираетесь в такую стужу в Сургут?

Она словно прочла мои мысли.

— Да, это я — в стужу, в Сургут...

Девушка была явно в хорошем настроении, она пожелала мне летной погоды, успешной по-

садки, и я, закрыв за ней дверь, снова подумала: куда я лечу? Зачем?

Хотя, конечно же, я долго размышляла, приблизительно дня три, прежде чем решиться на такой марш-бросок в Сибирь. Моя сестра полгода назад вышла замуж за первого встречного парня из Сургута и полетела с ним туда, к нему, как жена декабриста. Письма от нее приходили хорошие, надо сказать, она не жаловалась, писала, что счастлива, что они любят друг друга, что новая жизнь ей по душе... Но надо знать мою Милу, чтобы верить написанному. Она всегда была капризна, избалованна, испорчена вниманием родителей и деньгами, а потом и огромным количеством завидных московских женихов. И вдруг — в Сургут! Родители, к моему удивлению, благословили ее и, с легким сердцем отправив дочку в Сибирь, сами переехали в Петербург — поближе к бабушке с бабушкой. Я же должна была следить за Милкиной квартирой, поливать никому не нужные теперь цветы, вытирать пыль.

«Я беременна, — написала мне Милка, а потом и сама показала по скайпу — расплывчатая, нечеткая, словно ее изображение разбавили оранжево-фиолетовой водой. — Знаешь, такие странные ощущения!»

«Ты как себя чувствуешь?»

«Да как обычно...»

«Милка, с тобой все в порядке?»

«Да... Все...»

«Твой Тихий любит тебя?»

Тихий — это фамилия моего зятя.

«Да, любит. Все хорошо».

«Ты не скучаешь?»

И вдруг я поняла, что она плачет. А потом сестра и вовсе исчезла с экрана. Я написала:

«Что с тобой? Ты почему плачешь?»

«Все в порядке. Смотрю на тебя, вспоминаю... Здесь все чужие! Тихий вечно на работе, а я совсем одна...»

Вот так через три дня я и решилась на это путешествие. Навестить сестренку. Посмотреть на нее, беременную, разведать обстановку и решить для себя — оставлять ли Милку с Тихим или же брать ее за шкурку и возвращать обратно, в Москву.

И, уже собираясь, я постоянно ловила себя на мысли, что с Сургутом или с Тюменью, словом, с тем холодным краем у меня связаны еще какие-то воспоминания ли, ассоциации ли... Вот только не было в этих ассоциациях ни северного сияния, ни романтики Севера, ни снега с метелью, а виделся мне почему-то бешено мчащийся поезд и слышался стук колес, а еще — отчаянный женский вопль и кровь на холодном металлическом полу тамбура. Что-то недосказанное, незавершенное, пахнущее пионами и, как это ни странно, книжной пылью.

И только к вечеру того дня, когда я уже решилась на поездку, я все вспомнила.

Это был литературный вечер в одной из библиотек. Мне присылали записки, я отвечала на вопросы. Кстати сказать, на таких вот тихих

библиотечных вечерах встречаются весьма интересные вопросы, да и люди попадаются вдумчивые, заинтересованные, истинные почитатели твоего творчества.

Ко мне подошла очень скромно одетая немолодая женщина и сказала, что у нее есть ко мне одно дело. Я поняла, что она хочет мне что-то поведать наедине. Мы отошли с ней в сторону, и она спросила меня, где я беру сюжеты для своих романов. Мне часто задают этот вопрос, и я, признаться, уже устала отвечать на него. Приготовилась уже было произнести дежурное: из воздуха! Сюжеты беру из воздуха, они повсюду... Как вдруг я услышала:

— У меня есть для вас сюжет. Вы же криминальные романы пишете, а это как раз такая — криминальная и ужасно страшная история... Это все происходило на моих глазах, но мне почему-то никто не верит! А моя внучка так и вообще считает меня сумасшедшей. Ей это на руку, я знаю, что она хочет избавиться от меня и отобрать квартиру. А я — что... что могу я сделать?!

Я смотрела на нее и представляла себе ее тяжелую жизнь, ее одиночество, постоянные ссоры со взрослой внучкой. Наверняка она еще и чем-либо больна, все-таки возраст... Я часто, глядя на человека, словно бы вижу какие-то фрагменты из его жизни. Вот и тогда я увидела почему-то ее, эту женщину, сидящую в кухне возле окна, за которым идет снег. На столе чашка с жидким кофе, печенье...

— Слушаю вас, — кивнула я.

— Я возвращалась в Москву из Тюмени, где у меня живет подруга. Вот так, на старости лет, решила навестить близкого, родного мне человека. И такая поездка, знаете ли, приятная была! И с попутчиками повезло... Я же на поезде поехала. На самолет билеты дорогие. Туда доехала быстро — разговоры мы вели с соседями по купе... Да и спала я хорошо, спокойно, не то что в Москве. А вот на обратном пути в поезде произошло что-то страшное... И это не дает мне покоя! Я и сон потеряла, постоянно думаю об этом, но сделать ничего не могу. У меня здоровья нет. И сил.

— Так что же произошло в поезде?

— У меня была соседка по купе. Она тоже в Москву путь держала. Молоденькая такая девушка. Красивая. Надей ее звали. Она, конечно, не такая разговорчивая была, как мои прежние соседи по купе, но все равно, приветливая, вежливая такая. Нас ехало двое. Больше никого. Пока мы чаю попили, газеты-журналы почитали, и вечер наступил... Надя вышла в туалет, полотенце взяла, мыло... Словом, она не вернулась. Я долго не могла уснуть. Сначала мне показалось, что в той стороне, где находится купе проводников, кто-то вскрикнул... Потом кто-то бегал как будто туда-сюда. Но я приписала все это своей мнительности. Осмелев, я решила отправиться на поиски Нади. Думала: если не найду ее где-нибудь в вагоне, скажу проводнице, что пассажирка пропала, ее уже полчаса нет. Вышла я из купе и направилась в сторону туале-

та, того, что был расположен ближе к нам, то есть неподалеку от купе проводников. В туалете никого не было. Тогда я вышла в тамбур, думаю, может, Надя там стоит, курит? Сейчас же все курят. Открываю дверь и вижу... извините... голый зад! Какой-то мужчина. А под ним — Надя! Смотрит на меня умоляющими глазами! Какой-то гад ее насильовал, понимаете?! Я поняла, что ее надо спасать, побежала к проводникам, рванула дверь — никого. Тишина. Страшно так мне стало...

Я — в купе, заперлась. Сажу и думаю: что делать? Надо же что-то делать... Звонить! Но кому звонить? По какому телефону? Пока я так раздумывала, чувствую — у меня перед глазами все плывет... Плохо мне стало. Я пришла в себя, уже когда в купе вошел какой-то мужчина в фуфайке. Приложил палец к губам, мол, молчи, а потом, забирая дорожную сумку Нади, он, глядя мне прямо в глаза, тихо сказал: «Вы ничего не видели и не знаете... И никто с вами не ехал! Забудьте ее». И ушел. А мне и вовсе дурно стало! Потом мне показалось, что кто-то закричал... Меня всю затрясло. Я услышала, как кто-то прошел за дверями купе и сказал: «Скоро Войновка...» Я запомнила название станции. Но еще до того, как поезд остановился, я слышала какой-то шум, как будто кто-то хлопнул тяжелой металлической дверью. Я сидела тихо, как мышка, не зная, что и думать... Это позже, уже под утро, ко мне зашел какой-то человек и начал задавать вопросы. Спрашивал, не слышала ли я посто-

ронних звуков? Когда я видела в последний раз проводницу? Кто был со мной в купе? Признаюсь: я промолчала... Вернее, солгала — сказала, что никто со мной не ехал. Хотя на самом деле была эта Надя, которую, как мне думается, убили...

— Почему убили? — спросила я.

— Да потому что весь вагон потом обсуждал случившееся! Говорили, что были обнаружены два трупа. Один труп — это была проводница... Представляете, оказывается, проводницу убили! Не зря же я слышала крик! А другой труп — неизвестный — сбросили с поезда... Убийца взял у проводницы специальный такой ключ, открыл дверь идущего на полном ходу поезда и вытолкнул из него окровавленное тело. Или выбросил труп в окно купе проводницы. Понятное дело, что убили Надю! И убил ее тот самый... зверь...

— Зверь?

— Он из тюрьмы сбежал! Вернее, вроде несколько человек сбежало, но один вот попал в наш поезд. Они же там все в тюрьме превращаются в зверей! Уж доехал бы до Москвы, дотерпел бы! Ан нет, не смог: увидел молоденькую девушку и завалил ее прямо в тамбуре...

— Вы хотите, чтобы я написала об этом?

— Это еще не самое интересное... — вдруг сказала женщина. — Интересное началось потом, когда я, умирая от страха и стыда за свою ложь, снова осталась одна. Вспомнила, что изверг этот в купе заходил, вещи Надины забрал... Но кое-что он оставил. Потому что не знал о ее существовании.

— Вещь?

— Да. Кошка! Такая, знаете, плюшевая большая симпатичная кошка, которая скорее напоминает подушку. Надя клала ее себе под голову. Я уж не стала ее спрашивать, что это за подушка-кошка такая... Может, ехала себе девчонка в Москву, навстречу новой жизни, поступать куда-то, вот и прихватила из родного дома сшитую мамой подушку. И сумочку ее он тоже не заметил. Маленькую такую лакированную сумочку, с документами.

— И куда вы ее дели? В милицию сдали?

— Нет... Говорю же... Ничего я тогда никому не рассказала, все ее вещи с собой так и привезла. И даже сумочку не открывала, подумала — а вдруг там отпечатки моих пальцев окажутся? Положила в пакет и сумочку, и подушку, так и привезла все домой. Спрятала в шкафу.

— Чего же вы хотите?

— Хочу освободиться от этих вещей! Я задыхаюсь от них, понимаете? А вы... Вы пишете такие интересные, сложные книги, и так хорошо там со всеми разбираетесь, распутываете такие сложные истории... Вот я и подумала: вот кому, этой женщине с замечательным умом и фантазией, я могу доверить эти вещи! А уж она разберется, что с ними сделать. Как поступить.

— Но если я принесу эти вещи в милицию, меня спросят, откуда это у меня, и что я отвечу?

— Скажите, что их вам принесла какая-то полоумная старуха. Ни имени моего вы, мол, не знаете, ни адреса...

— Вы что же, принесли этот пакет с собой?

— Нет, что вы! Я приготовила для вас лишь листок с адресом и номером телефона. Если вы захотите написать новый роман, вспомните мою историю, приезжайте ко мне, я отдам вам вещи Нади. Может получится интересный роман.

И она положила на столик записку.

— Как вас зовут? — спросила я, удивленная странным рассказом женщины.

— Екатерина Андреевна я. Ах да, чуть не забыла... Подпишите мне вот эту вашу книгу!

Записку я благополучно потеряла. Потом нашла — и снова потеряла. И вот теперь, накануне отъезда, я вспомнила о ней и стала искать. Оказалось, что она лежала там, где ей и положено было, — в коробочке со стопкой подобных же записочек, визиточек, каких-то листиков с заметками, словом, вместе с материалами для будущих романов. Вот: Екатерина Андреевна Ревина. И адрес с телефоном. Позвонить? И что сказать? «А помните, года три тому назад вы подходили ко мне и предлагали сюжет для нового романа?» Если все, что она мне тогда рассказала, — правда, то она не могла об этом забыть. Хотя за три года могло произойти многое. К примеру, сама Ревина могла отнести вещи своей убитой соседки по купе в милицию и во всем признаться, что, мол, испугалась она тогда, ведь ей угрожали...

Времени у меня было много, настроение — хорошее, авантюрное, поэтому я, уложив вещи,

позвонила своему бывшему мужу, на которого собиралась оставить теперь уже две квартиры с цветами и пылью, сказала, чтобы он приезжал, как мы договаривались, несмотря на то что я немного задержусь, вышла из дома, села в машину и покатила по заснеженным улицам Москвы по значившемуся в записке адресу. Из машины я позвонила по указанному телефону, но трубку никто не взял. И все равно, словно подгоняемая кем-то невидимым, я не спеша, постоянно застревая в пробках, добралась до Масловки. Довольно быстро нашла нужный мне дом, проникла в подъезд с помощью какого-то мальчишки с ключом и теперь стояла перед квартирой номер двадцать четыре, абсолютно уверенная в том, что сейчас я увижу Екатерину Андреевну Ревину. Однако дверь мне никто не открывал. Я звонила и стучала довольно долго. Ругала себя за легкомыслие, за то, что притащилась сюда, не дождавшись ответа на телефонный звонок. И так бы я, возможно, и ушла прочь, если бы на устроенный мною шум не открылась дверь соседней квартиры.

— Вы?! — Женщина, всем своим обликом напоминающая старую учительницу (аккуратная прическа, особое выражение лица, очки на носу, красивая вязаная пелерина на узких плечах) смотрела на меня с выражением нескрываемого удивления. — Вы все-таки пришли...

— А что, вы меня знаете?

— Вы же Полина Пухова! Я видела ваше фото